

Взаимосвязь механизмов психологической защиты и временной перспективы в период средней взрослости

Кузнецова О.В.,

кандидат психологических наук, доцент, кафедра возрастной психологии им. проф. Л.Ф. Обуховой, ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (МГППУ), Москва, Россия, kseniko@mail.ru

Петрушова И.В.,

аспирант, кафедра возрастной психологии им. проф. Л.Ф. Обуховой, факультет психологии образования, ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (МГППУ), Москва, Россия, gorani@mail.ru

Данная работа посвящена выявлению и анализу взаимосвязи механизмов психологической защиты и временной перспективы в период средней взрослости. Исследование проводилось в свете современных представлений о механизмах психологической защиты и временной перспективе личности. В результате констатирующего эксперимента были получены данные, свидетельствующие о наличии взаимосвязи между механизмами психологической защиты, временной ориентацией, протяженностью перспективы будущего и событийной насыщенностью разных темпоральных периодов. Было выявлено, что сильная напряженность защит связана с ориентацией на негативное прошлое и фаталистическое настоящее; это сочетание может характеризовать личность, как недостаточно зрелую. Более примитивные защиты связаны с неблагоприятной временной ориентацией (негативное прошлое и фаталистическое настоящее), более зрелые – с благоприятной ориентацией (будущее). Полученные результаты могут быть использованы в психологическом консультировании по вопросам личностного развития и повышения социальной адаптации.

Ключевые слова: средняя взрослость, механизмы психологической защиты, напряженность психологических защит, временная перспектива, временная перспектива в период средней взрослости, психологическое время личности, восприятие времени.

Для цитаты:

Кузнецова О.В., Петрушова И.В. Взаимосвязь механизмов психологической защиты и временной перспективы в период средней взрослости [Электронный ресурс] // Психолого-педагогические исследования. 2018. Том 10. № 1. С. 20–31 doi: 10.17759/psyedu.2018100103

For citation:

Kuznetsova O.V., Petrushova I.V. Interrelation of Psychological Defense Mechanisms and Time Perspective during Middle Adulthood [Elektronnyi resurs]. *Psikhologo-pedagogicheskie issledovaniya [Psychological-Educational Studies]*, 2018. Vol. 10, no. 1, pp. 20–31 doi: 10.17759/psyedu.2018100103. (In Russ., abstr. in Engl.)

личности адаптироваться к новым условиям, умение строить и пересматривать свой жизненный план. В связи с глобализацией и информатизацией общества меняется привычный уклад жизни, что влечет за собой изменение отношений со временем. Знания о связи временной перспективы и механизмов психологической защиты необходимы для оказания психологической поддержки и помощи взрослым.

Механизмы психологической защиты

Общепринятым является понимание психологической защиты как способа борьбы личности с неприятными и невыносимыми для сознания представлениями. Механизмы психологической защиты направлены на уменьшение тревоги, вызванной интрапсихическим конфликтом, и являются специфическими бессознательными процессами, при помощи которых «Я» пытается сохранить интегративность и адаптивность (А. Адлер, Э. Берн, Г. Келлерман, М. Кляйн, Н. Мак-Вильямс, Р. Плутчик, С. Салливан, З. Фрейд, А. Фрейд, Э. Фромм, Х. Хартманн, К. Хорни, К.Г. Юнг, Л.Р. Гребенников, Е.С. Романова и др.) [5; 7; 15].

Развитие учения о защитных механизмах шло по нескольким линиям: от узко интрапсихического понимания генеза и функций защитных механизмов до признания их принципиальной встроенности в пространство межличностных отношений, служащих их структурной организации в соответствии с жизненно важными потребностями «Я» в поддержании эмоциональных связей без потери индивидуальной целостности (Ч. Бренер, Дж. Брунер, Р. Лазарус, Л. Постман, Л.И. Вассерман, О.Ф. Ерышев, Б.Д. Карвасарский, Е.Б. Клубова, Э.А. Костандов, Н.Н. Петрова, М.И. Савельева, А.У. Хараш, А.В. Штрахова, А.М. Ялов и др.) [2; 7].

Существуют разные подходы к классификации защит по принципу их зрелости. Зрелость и эффективность защитных механизмов определяются взаимодействием в их составе разных по своей природе компонентов: от автоматических, бессознательных – до рефлексивных, осознаваемых и подконтрольных; от непосредственно чувственных, двигательных и аффективных – до рациональных и творчески-интуитивных (фантазии), опосредованных как содержанием культуры и нормативами общественного сознания, так и индивидуальной символикой (Н. Мак-Вильямс, Р. Плутчик, Р.М. Грановская, Л.Р. Гребенников, И.М. Никольская, В.Я. Сёмке и др.) [11].

Набор защитных механизмов является индивидуальным и определяет уровень адаптированности личности. Преобладание «примитивных», незрелых защит негативно влияет на развитие личности, приводит к дезадаптации и может свидетельствовать об общей незрелости личности. Нереализованные на определенных этапах развития базисные психологические потребности индивида блокируются и приводят к сверхинтенсивному использованию защитных механизмов (Д. Винникотт, О. Кернберг, М. Кляйн, С. Куллари, Н. Мак-Вильямс, М. Малер, З. Фрейд, А. Фрейд, Х. Хартманн, А.М. Богомолов, Р.М. Грановская, Л.Р. Гребенников, Е.С. Калмыкова, Е.С. Романова и др.) [4].

Стоит отметить, что многие исследования посвящены выявлению механизмов формирования защитных механизмов в детском онтогенезе. Изучению изменений в структуре психологической защиты в период зрелости посвящено не так много работ. Некоторые современные исследования показывают, что с возрастом увеличивается использование более зрелых и адаптивных защит (М. Диль (M. Diehl), Е.В. Лапкина и др.) [16].

Временная перспектива

Изначально категория времени изучалась в философии, еще Платон выделил прошлое, настоящее и будущее как виды времени. Впоследствии к осмыслению этой темы

обращались философы Античности, Средневековья, эпохи Возрождения, представители немецкой классической философии, феноменологической философии, экзистенциалисты (Аристотель, Св. Августин, Боэций, М. Бубер, Э. Гуссерль, Р. Декарт, В. Дильтей, Дионисий Ареопагит, И Кант, Дж. Локк, Плотин, Ж.-П. Сартр, И.Г. Фихте, И. Флорский, Фома Аквинский, М. Хайдеггер, Ф.В. Шеллинг)[3].

Временная перспектива стала предметом исследования для представителей различных психологических школ и направлений (А. Аал, Дж.М. Голдрич, Н. Израели, Р. Кастенбаум, К. Левин, М. Уоллас, Л.К. Франк, П. Фресс, Л. Хеймберг и др.)[14; 17].

Бельгийский психолог Ж. Нюттен рассматривает проблему времени в контексте действия и мотивации и предлагает четко разделять три разных аспекта психологического времени: временная перспектива, временная ориентация и временная установка. Временную перспективу характеризуют такие свойства, как протяженность, глубина, насыщенность, степень структурированности и уровень реалистичности. В основном, исследования Ж. Нюттена были сосредоточены на аспекте временной перспективы как мотивационной переменной. Поведение в настоящем имеет направленность на будущее и обусловлено потребностями (мотивами). Для него «будущее – это пространство мотивации» [12, с. 388]. Среди исследователей временной перспективы широко используется разработанный Ж. Нюттеном метод мотивационной индукции (ММИ).

Временная перспектива, по мнению Ф. Зимбардо, может быть ситуационно-детерминированной, а также может являться устойчивой личностной чертой. Исследователями проблемы временной перспективы установлено множество взаимосвязей между временной перспективой личности и другими личностными чертами (Ф. Анагностопулос (F. Anagnostopoulos), Т. Апостолидис (T. Apostolidis), Дж. Бойд, Ф. Грива (F. Griva), Дж. Хенсон (J. Henson), К. Кеох (K.A. Keough), Н. Маон (N.E. Mahon), Г. Потамианос (G. Potamianos), С. Рид (S.J. Read), С. Ротспан (S. Rothspan), А. Ярчески (A. Yarcheski), Т. Ярчески (T.J. Yarcheski), Ф. Зимбардо) [6; 18].

Присущий индивиду конструкт временной перспективы имеет решающее значение для его психологического благополучия, способности быть творцом своей жизни, выбирать и реализовывать планы собственного развития (Р.А. Ахмеров, А.К. Болотова, В.И. Ковалев, А.А. Кроник, О.В. Кузнецова, М.Р. Хачатурова)[1; 8; 9]. При неблагоприятной временной перспективе человек склонен излишне фиксироваться на негативных событиях прошлого, чувствует себя не способным повлиять на ход своей жизни.

Временная перспектива в зрелом возрасте связана с социальной ситуацией развития, с теми важными событиями в жизни человека, которые определяют ход его жизни и состав окружающих его людей, важным для построения образа будущего становится присутствие или отсутствие ощущения самореализованности (Дж. Бойд, К.Л. Фингерман, Э. Эриксон, Е.А. Ипполитова, О.Г. Квасова, М.Ш. Магомед-Эминов, Е.А. Миско, О.В. Митина, А. Сырцова, Н.В. Тарабрина, А.Д. Тимофеев, К.Д. Чадаева)[6; 13].

Временная перспектива личности и присущие личности механизмы психологической защиты являются факторами, определяющими психологическое благополучие личности и способность адаптироваться к быстроизменяющимся условиям жизни. При этом особенности данных конструктов в период зрелости и их взаимосвязь являются недостаточно изученными. На первом этапе своего исследования мы ставим цель изучить особенности этих личностных факторов в период средней зрелости.

Данный исследовательский проект направлен на выявление и анализ взаимосвязи механизмов психологической защиты и показателей временной перспективы.

Программа эмпирического исследования

В исследовании участвовало 117 испытуемых в возрасте от 30 до 40 лет, из них 76 женщин и 41 мужчина. По результатам авторской анкеты была получена следующая характеристика выборки: в основном наши респонденты – это люди с высшим образованием (88%), состоят в семейных отношениях (59%), работают (88%), в том числе по своей профессии (56%), у них есть дети (69%). Также представлены владельцы собственного бизнеса (10%) и неработающие домохозяйки (9%).

Была выдвинута гипотеза о том, что существует взаимосвязь между механизмами психологической защиты и временной перспективой в период средней зрелости. При этом субъекты с более напряженными психологическими защитами могут иметь ярко выраженную ориентацию на негативное прошлое и фаталистическое настоящее.

При проведении констатирующего эксперимента применялся следующий диагностический инструментарий: методика «Индекс жизненного стиля» для диагностики типологий психологической защиты (Р.Плутчик, в адаптации Л.И.Вассермана, О.Ф.Ерышева, Е.Б.Клубовой и др.), опросник для изучения временной перспективы ZPTI (Ф.Зимбардо, Дж.Бойд, в адаптации А.Сырцовой, О.В.Митиной), метод мотивационной индукции (Ж.Нюттен, в адаптации Н.Н.Толстых), анкета участника исследования «Социальный статус, работа и увлечения» (И.В.Петрушова), программа LifeLine на основе методики каузометрия (А.А.Кроник, Р.Ахмеров) для описания кейсов.

Анализ и интерпретация результатов исследования

В ходе нашего исследования была выявлена напряженность психологических защит, из которых наиболее выраженной является отрицание. Затем, в порядке уменьшения, располагаются следующие защиты: компенсация, регрессия, замещение, вытеснение, интеллектуализация, реактивные образования, проекция. Степень выраженности отдельных психологических защит, выявленная в нашем исследовании, представлена на рис. 1.

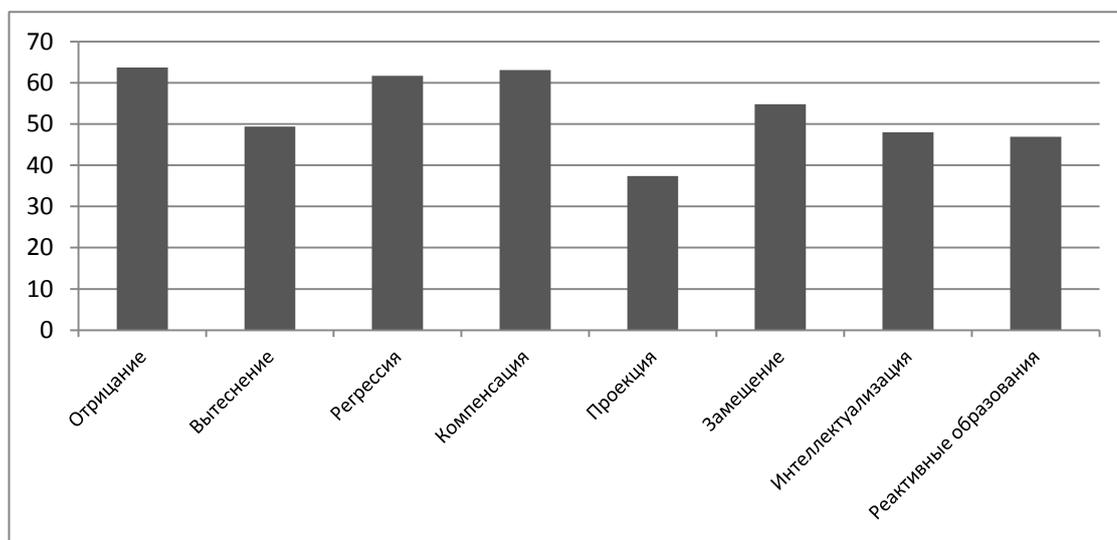

Рис. 1. Степень выраженности отдельных психологических защит в процентах

Можем отметить, что данные нашего исследования и данные авторов апробации методики для отдельных защит заметно различаются, в наибольшей степени это относится к защите «проекция». Указанное различие можно объяснить изменениями, произошедшими в обществе за последние 20 лет, так как основная работа по апробации методики и выделению нормативных данных для российской выборки проводилась в 1994–1996 гг. [2, с. 6]. Среднее значение такого интегрального показателя, как общая напряженность защит

(ОНЗ), составляет 36,9%, что несколько ниже нормативных значений 40–50%, определенных для россиян. В нашем исследовании количество респондентов с неявно выраженными психологическими защитами (ОНЗ менее 25%) составляет 12%, со средне выраженными защитами (ОНЗ от 25 до 40%) – 49,6%, сильно выраженные защиты (40–58%) выявлены у 38,4% респондентов.

Средние значения для показателей временной перспективы, полученные в нашем исследовании (рис. 2), близки к нормативным значениям авторов апробации методики ZPTI [13].

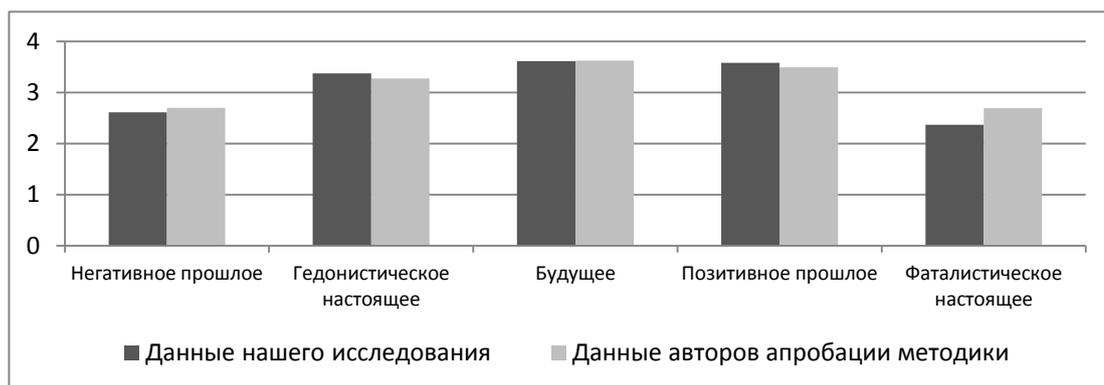

Рис. 2. Средние значения временной перспективы в сравнении с нормативными значениями

Выявление взаимосвязи механизмов психологической защиты и временной перспективы проводилось при помощи коэффициента r ранговой корреляции Спирмана. При проверке гипотезы о взаимосвязи между общей напряженностью защит и временной ориентацией были выявлены значимые связи. Существует положительная корреляция между ОНЗ и ориентацией на негативное прошлое ($r=0,336$, при уровне значимости $p < 0,01$), а также корреляция с ориентацией на фаталистическое настоящее на уровне тенденции ($r=0,283$, при уровне значимости $p < 0,01$) (рис. 3). Таким образом, можно предположить, что чем напряженнее работают защиты, тем больше человек ориентируется на неблагоприятную временную перспективу.

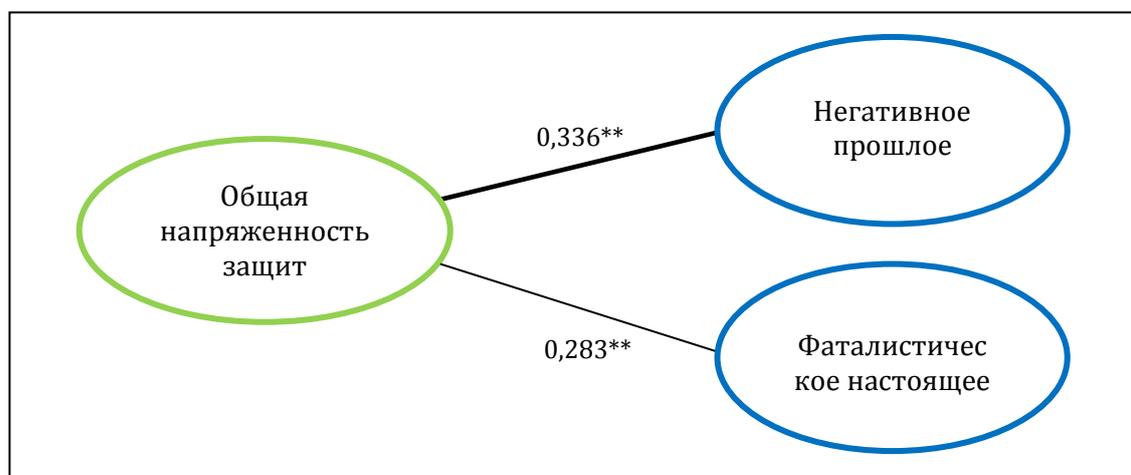

Рис. 3. Корреляционные связи между общей напряженностью защит и компонентами временной перспективы (** – корреляция значима на уровне 0,01)

В ходе нашего исследования были выявлены следующие значимые корреляционные связи (на уровне отдельных механизмов психологической защиты): положительная корреляция между регрессией и ориентацией на негативное прошлое и фаталистическое настоящее; замещение положительно связано с негативным прошлым и фаталистическим настоящим; компенсация – с негативным прошлым (рис. 4). Отметим, что на уровне тенденции существует положительная взаимосвязь между проекцией и негативным прошлым. Также выявлена взаимосвязь на уровне тенденции между ориентацией на будущее и такими защитами, как проекция, интеллектуализация и реактивные образования.

На основе полученных коэффициентов корреляции мы можем сделать вывод о взаимосвязи примитивных, незрелых механизмов психологической защиты (на примере регрессии) с неблагоприятной временной перспективой. Возникающие на ранних этапах развития, некоторые на довербальных этапах, они оказывают неблагоприятное влияние на развитие личности и такого аспекта, как временная перспектива. При этом зрелые защитные механизмы связаны с перспективой будущего. Возникающие на более поздних стадиях развития интеллектуализация и реактивные образования влияют на формирование устремленности в будущее, постановку целей и создание стратегий развития.

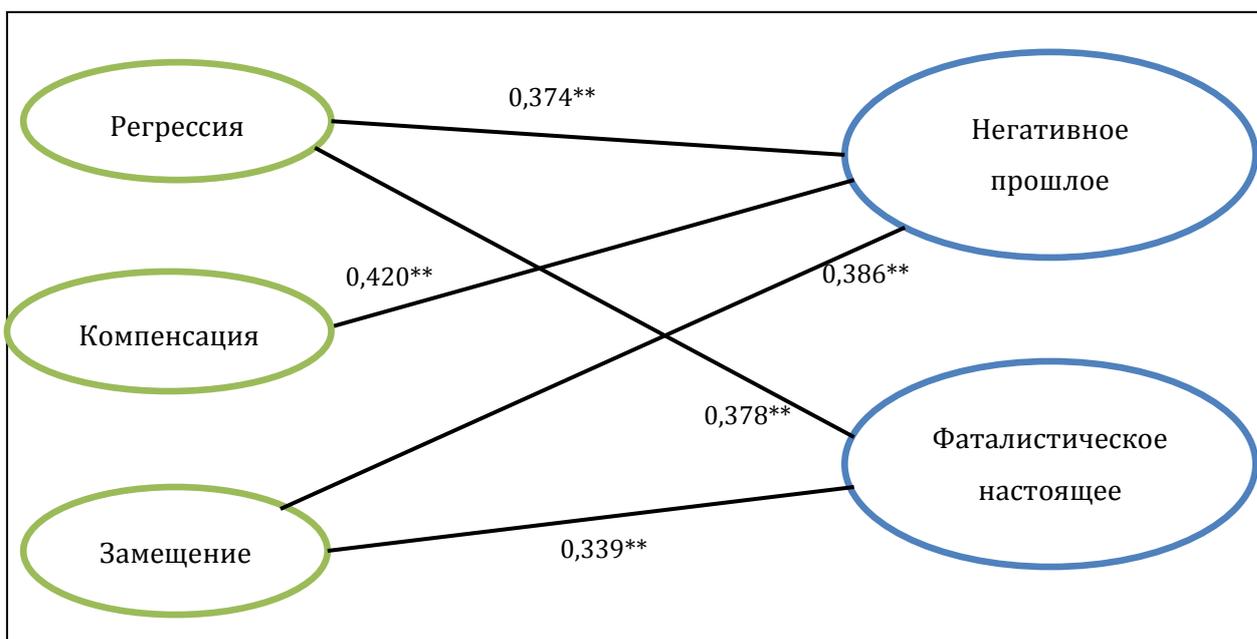

Рис. 4. Корреляционные связи между типами механизмов психологической защиты и факторами временной перспективы (** – корреляция значима на уровне 0,01)

Выявленная в ходе исследования взаимосвязь замещения и временной ориентации на негативное прошлое и фаталистическое настоящее представляет большой интерес. Защитному поведению замещения свойственна импульсивность, раздражительность, грубость. Предполагаем, что во взрослом возрасте этот механизм психологической защиты может быть задействован сильнее при временной ориентации на фаталистическое настоящее. Чувство беспомощности, ощущение невозможности влиять на ход своей жизни, свойственное людям с ориентацией на фаталистическое настоящее, может усиливать раздражительность и вспыльчивость, активизировать механизм замещения.

Прямая взаимосвязь компенсации и ориентации на негативное прошлое, выявленная в ходе исследования, весьма любопытна и парадоксальна. Этот защитный механизм считается одним из самых зрелых, однако при этом является ведущей защитой для депрессивной диспозиции личности. Основной эмоцией для такого типа личности является печаль, сожаление о своем прошлом и защита по типу компенсации.

Отдельно стоит рассмотреть взаимосвязь временной перспективы и проекции. Защитные проявления проекции и параноидной диспозиции характера (высокая критичность, враждебность, обидчивость, высокая требовательность к себе и другим, стремление достичь высоких показателей), объясняют выявленные тенденции. Сосредоточенность на обидах и негативном опыте придает прошлому негативный оттенок, стремление же достичь высоких показателей и требовательность к себе формирует направленность в будущее.

Стоит отметить, что профиль эго-защит индивидуален. Также отметим, что общая напряженность защит может быть относительно невысока, но высокая выраженность отдельных защит вносит свой вклад в формирование личности.

Исследование различий в выраженности напряженности **механизмов психологической защиты и временной перспективы в зависимости от пола** позволило выявить некоторые тенденции. Сравнение распределения признаков между группой женщин и группой мужчин проводилось с помощью критерия *U* Манна-Уитни. Результаты по выраженности механизмов психологической защиты представлены на рис. 5, жирным шрифтом выделены значения по шкалам, разница в которых статистически значима.

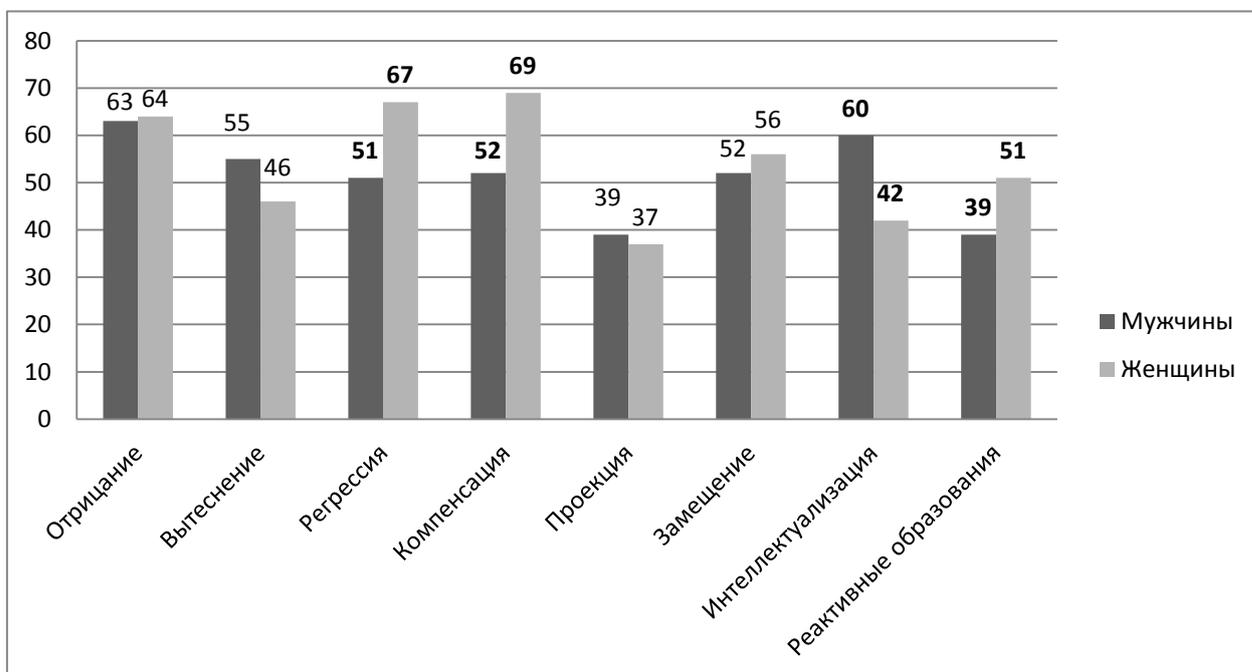

Рис. 5. Степень выраженности отдельных психологических защит в процентах у мужчин и женщин

Из диаграммы, приведенной на рис. 5, видно, что у мужчин выше напряженность защиты «интеллектуализация»; у женщин больше выражены регрессия, компенсация и реактивные образования. По остальным защитам статистически значимых различий нет, интегральный показатель общей напряженности защит также не отличается. Эту разницу

можно объяснить социальными установками. Мужчин учат сдерживать свои чувства и эмоции, с детства они впитывают ценность «быть умным» и «сдержанным». Использование защиты «интеллектуализация» является для мужчин социально одобряемым поведением и служит «пропуском» в мир взрослых мужчин. Женщинам в плане выражения эмоций позволено больше, с другой стороны, существует представление о социально приемлемом женском образе (общество ценит больше «позитивных», «всегда в хорошем настроении», «добрых», «любящих»), что и может быть реализовано при помощи таких защит, как регрессия, компенсация и реактивные образования.

В ходе сравнения результатов по выраженности временной перспективы у мужчин и женщин значимые различия (по критерию Манна–Уитни) выявлены только по фактору «фаталистическое настоящее», у женщин эта временная ориентация выражена более ярко, чем у мужчин. Для определения причин различия временной перспективы у мужчин и женщин мы провели контент-анализ высказываний респондентов (по ММИ Нюттена). Содержанием высказываний являются мотивационные объекты, которые мы рассматривали с точки зрения выраженности фактора фаталистического настоящего.

Обращает на себя внимание тот факт, что среди женщин с выраженной ориентацией на фаталистическое настоящее, большинство являются домохозяйками, матерями детей дошкольного и младшего школьного возраста. Их высказывания отражают инфантильные стремления, что можно объяснить усталостью от рутины и ответственности («Я буду очень рада, если... все, что я хочу, будет сбываться и происходить само собой, без моих на то усилий», «Я все делаю для того, чтобы... не работать», «Моя цель... не люблю ставить себе масштабные цели – никогда не достигаю», «Моя цель... живу сегодняшним днем, нет цели», «Я буду очень рада, если мне разрешат... лежать в кровати с чипсами»).

Многим из этих женщин, посвятивших себя детям, остро не хватает социальных контактов, профессиональная реализованность отсутствует или неудовлетворительна, как правило, они финансово зависимы от мужа или партнера, при этом полностью обеспечивают быт семьи и уход за детьми. Большая нагрузка, недооцененность их материнской работы и отсутствие признания социумом приносят женщинам неуверенность в себе и в завтрашнем дне, ощущение невозможности повлиять на свое будущее, построить его по своему желанию.

Мужчины с высокой ориентацией на фаталистическое настоящее чаще всего являются разведенными отцами, холостяками либо женатыми бездетными. В их высказываниях в целом меньше фатализма, чем у женщин. Несмотря на высокое значение фактора «фаталистическое настоящее» они создают впечатление уверенных в себе людей. Возможно, тут дело в социальных установках и ожиданиях от мужчин, которым они стремятся соответствовать, даже проходя психологический тест. Большая часть высказываний отражает желание меньше работать и быть богаче, что свидетельствует о противоречивости желаний респондентов («Я не хочу... быть бедным», «Я буду очень доволен, если... стану миллиардером», «Я все делаю для того, чтобы... побольше зарабатывать и поменьше делать!», «Я очень хочу... быть и успешным, и богатым, и незанятым, и не сволочью», «Мне очень понравилось бы... жить в клевом лофте в центре Москвы и иметь большую дачу в красивом месте с водоемом и лесом», «Я бы так хотел... иметь билет во все страны»).

Часть высказываний отражает неуспешность в личной или профессиональной жизни: «Я боюсь... что она не вернется», «Я стараюсь избежать... ответственности», «Я хочу... перестать лениться», «Я не хочу... ничего делать, и уже давненько» [10].

Мы предполагаем, что обнаруженные различия в выраженности фактора фаталистического настоящего в зависимости от пола могут быть объяснены особенностями

социальной ситуации у женщин в период средней зрелости, которые способствуют развитию фаталистического отношения к своей жизни и времени.

Выводы

Проведенное исследование позволило сделать следующие выводы.

1. Такие личностные конструкты, как механизмы психологической защиты и временная перспектива, взаимосвязаны. Общая напряженность защит взаимосвязана с негативной временной ориентацией. Совокупность таких факторов, как выраженность психологических защит (ОНЗ) и временная ориентация на негативное прошлое и фаталистическое настоящее, отрицательно влияют на психологическое благополучие личности.

2. Некоторые примитивные психологические защиты связаны с неблагоприятной временной ориентацией (на примере регрессии). При этом более зрелые защиты связаны с благоприятной временной ориентацией. Таким образом, мы можем предположить, что неблагоприятное развитие защитных механизмов на ранних этапах онтогенеза негативно сказывается на психологическом благополучии личности, в том числе и на присущей индивиду временной ориентации.

3. Существует взаимосвязь между ведущей психологической защитой «замещение» и ориентацией на негативное прошлое и фаталистическое настоящее. Эти результаты могут говорить об особенностях отношения ко времени у людей с агрессивной личностной диспозицией. Особенно интересна взаимосвязь замещения с временной ориентацией фаталистического настоящего. Вероятно, что чувство беспомощности, свойственное людям с такой временной ориентацией, может служить усилению агрессивности.

4. Выявленная разница в напряженности защит у мужчин и женщин обращает наше внимание на желательный, социально приемлемый образ, диктуемый социумом. У женщин в период средней зрелости (30–40 лет) выше ориентация на фаталистическое настоящее, чем у мужчин в этот же период. Сами социальные ситуации мужчин и женщин могут существенно отличаться, так как многие женщины перестают работать ради семьи и маленьких детей, требующих много внимания, тем самым лишая себя возможностей самореализации. Ограничение социальных контактов, зависимость от партнера способствуют развитию фаталистического отношения ко времени.

Особенности временной перспективы и механизмов психологической защиты в период средней зрелости, а также выявленная взаимосвязь между этими конструктами определяют основные направления работы психолога в индивидуальном и групповом сессинге. Полученные результаты могут служить основанием для проведения дальнейших исследований, а также могут быть использованы в психологическом консультировании в целях личностного развития и повышения социальной адаптации. На основе результатов данного исследования могут быть разработаны программы, направленные на изменение временной перспективы на более сбалансированную.

Литература

1. *Болотова А.К., Хачатурова М.Р.* Человек и время в ситуациях выбора совладающего поведения // Культурно-историческая психология. 2012. № 1. С. 69–76.
2. *Вассерман Л.И., Ерышев О.Ф., Клубова Е.Б.* Психологическая диагностика индекса жизненного стиля: метод. пособие. СПб.: Изд-во Психоневрол. ин-та им. В.М. Бехтерева, 2005. 49 с.

3. *Гайденок П.П.* Время. Длительность. Вечность. Проблема времени в европейской философии и науке. М.: Прогресс–Традиция, 2006. 464 с.
4. *Грановская Р.М., Никольская И.М.* Защита личности: психологические механизмы. СПб.: Знание, 1999. 352 с.
5. *Гребенников Л.Р.* Механизмы психологической защиты: генезис, функционирование, диагностика: дис. ... канд. психол. наук. М., 1994. 202 с.
6. *Зимбардо Ф., Бойд Дж.* Парадокс времени: Новая психология времени, которая улучшит вашу жизнь. СПб.: Речь, 2010. 352 с.
7. *Корытова Г.С.* Психологическая защита: концептуализация и понятийно-типологический анализ [Электронный ресурс] // Прикладная психология и психоанализ: электрон. науч. журн. 2015. № 2. URL: <https://ppip.idnk.ru/index.php/vypusk-2-2015/34-2011-02-24-12-27-14/nomer-2-2015/653-korytova-g-s-g-tomsk> (дата обращения: 03.09.2017)
8. *Кроник А.А., Ахмеров Р.А.* Каузометрия: методы самопознания, диагностики и психотерапии в психологии жизненного пути. М.: Смысл, 2003. 285 с.
9. *Кузнецова О.В.* Роль временной перспективы в личностном и профессиональном самоопределении подростков // Психологическая наука и образование. 2007. № 3. С. 5–15.
10. *Кузнецова О.В., Петрушова И.В.* Временная перспектива у мужчин и женщин в период средней зрелости // Материалы VII Всероссийской научно-практической конференции «Интегративный подход к психологии человека и социальному взаимодействию людей: векторы развития современной психологической науки» (г. Санкт-Петербург, 12–14 апреля 2017 г.). Ч. 1. СПб.: Издательство РГПУ им. А.И. Герцена, 2017. С. 64–73.
11. *Мак-Вильямс Н.* Психоаналитическая диагностика: Понимание структуры личности в клиническом процессе. М.: Класс, 1998. 480 с.
12. *Нюттен Ж.* Мотивация, действие и перспектива будущего. М.: Смысл, 2004. 608 с.
13. *Сырцова А.* Возрастная динамика временной перспективы личности: дисс. ... канд. психол. наук. М., 2008. 317 с.
14. *Толстых Н.Н.* Хронотоп: культура и онтогенез: монография. Смоленск–Москва: Универсум, 2010. 312 с.
15. *Фрейд А.* «Эго» и механизмы защиты. М.: Эксмо, 2013. 252 с.
16. *Diehl M. et al.* Change in coping and defense mechanisms across adulthood: Longitudinal findings in a European American sample // *Developmental psychology*. 2014. Т. 50. № 2. doi:10.1037/a0033619
17. *Encyclopedia of Time / edited by Samuel L. Macey // Garland Reference Library of Social Science. Vol. 810. Routledge, 2013. 724 p.*
18. *Griva F., Tseferidi S.I., Anagnostopoulos F.* Time to get healthy: Associations of time perspective with perceived health status and health behaviors // *Psychology, health & medicine*. 2015. Т. 20. № 1. P. 25–33. doi:10.1080/13548506.2014.913798

Interrelation of Psychological Defense Mechanisms and Time Perspective during Middle Adulthood

Kuznetsova O.V.,

PhD (Psychology), associate professor of the Chair of age-related psychology at the faculty of educational psychology, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russia, kseniko@mail.ru

Petrushova I.V.,

Post-graduate Student, Chair of age-related psychology at the faculty of educational psychology, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russia, gorani@mail.ru

The article discloses the problem of connection of psychological defense mechanisms and time perspective during middle adulthood. The research was conducted considering the modern ideas of psychological defense mechanisms and time perspective of the personality. As a result of the stating experiment the data confirming existence of correlation between defense mechanisms, temporal orientation, extent of future perspective and event saturation of the different temporal periods have been obtained. High tension psychological defenses and some primitive psychological defenses are associated with a focus on the negative past and fatalistic present; this combination characterizes the personality as insufficiently mature. More primitive defenses are connected with adverse temporal orientation (the negative past and the fatalistic present), more mature - with favorable orientation (future). Results of the study can be used in psychological counseling in order to enhance personal development and social adaptation.

Keywords: middle adulthood, defense mechanisms, tension of defense mechanisms, time perspective, time perspective during middle adulthood, psychological time of personality, time perception.

References

1. Bolotova A.K., Khachaturova M.R. Chelovek i vremya v situatsiyakh vybora sovladayushchego povedeniya [The Person and the Time: Choosing Coping Behaviours]. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya [Cultural-Historical Psychology]*, 2012, no. 1, pp. 69–76. (In Russ., abstr. in Engl.).
2. Vasserman L.I., Eryshev O.F., Klubova E.B. Psikhologicheskaya diagnostika indeksa zhiznennogo stilya: metod.posobie [Psychological diagnostics of the life style index: methodical grant]. Saint-Petersburg: Publ. Psikhonevrol. in-ta im. V.M. Bekhtereva, 2005. 49 p.
3. Gaidenko P.P. Vremya. Dlitel'nost'. Vechnost'. Problema vremeni v evropeiskoi filosofii i nauke [Time. Duration. Eternity. Time problem in the European philosophy and science]. Moscow: Progress-Traditsiya, 2006. 464 p.
4. Granovskaya R.M., Nikol'skaya I.M. Zashchita lichnosti: psikhologicheskie mekhanizmy [Protection of the personality: psychological mechanisms]. Saint-Petersburg: Znanie, 1999. 352 p.
5. Grebennikov L.R. Mekhanizmy psikhologicheskoi zashchity: genezis, funktsionirovanie, diagnostika. Diss. kand. psikhol. nauk. [Psychological defense mechanisms: genesis, functioning, diagnostics. Ph. D. (Psychology) Thesis]. Moscow, 1994. 202 p.
6. Zimbardo F., Boid D. Paradoks vremeni: Novaya psikhologiya vremeni, kotoraya uluchshit vashu zhizn'[The time paradox: new psychology of time that will change your life]. Saint-Petersburg: Rech', 2010. 352 p. (In Russ.)
7. Korytova G.S. Psikhologicheskaya zashchita: kontseptualizatsiya i ponyatiino-tipologicheskii analiz [Psychological protection: conceptualization and conceptual – typological analysis]. *Prikladnaya psikhologiya i psikhoanaliz: elektron. nauch. zhurn. [Applied Psychology and Psychoanalysis]*, 2015, no. 2. URL: <https://ppip.idnk.ru/index.php/vypusk-2-2015/34-2011-02-24-12-27-14/nomer-2-2015/653-korytova-g-s-g-tomsk> (Accessed 03.09.2017).
8. Kronik A.A., Akhmerov R.A. Kauzometriya: metody samopoznaniya, diagnostiki i psikhoterapii v psikhologii zhiznennogo puti [Kauzometriya: methods of self-knowledge, diagnostics and psychotherapy in psychology of a lifespan]. Moscow: Smysl, 2003. 285 p.
9. Kuznetsova O.V. Rol' vremennoi perspektivy v lichnostnom i professional'nom samoopredelenii podrostkov [Time Perspective in Personal and Professional Self-Determination in Adolescents].

- Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie [Psychological Science and Education]*, 2007, no. 3, pp. 5–15. (In Russ., abstr. in Engl.).
10. Kuznetsova O.V., Petrushova I.V. Vremennaya perspektiva u muzhchin i zhenshchin v period srednei vzroslosti [The time perspective of men and women during middle adulthood]. *Materialy VII Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii "Integrativnyi podkhod k psikhologii cheloveka i sotsial'nomu vzaimodeistviyu lyudei: vektory razvitiya sovremennoi psikhologicheskoi nauki"* (g. Sankt-Peterburg, 12-14 aprelya 2017 g.) [Proceedings of the Seventh All-Russian Scientific and Practical Conference "Integrative approach to psychology of the person and social interaction of people: vectors of development of modern psychological science"]. Chast' 1. Saint-Petersburg: Publ. RGPU im. A.I. Gertsena, 2017, pp. 64-73.
 11. Mak-Vil'yams N. Psikhoanaliticheskaya diagnostika: Ponimanie struktury lichnosti v klinicheskom protsesse [Psychoanalytic Diagnosis: Understanding Personality Structure in the Clinical Process]. Moscow: Klass, 1998. 480 p. (In Russ.)
 12. Nyutten Zh. Motivatsiya, deistvie i perspektiva budushchego [Motivation, Action and Future Time Perspective]. Moscow: Smysl, 2004. 608 p. (In Russ.)
 13. Syrtsova A. Vozrastnaya dinamika vremennoi perspektivy lichnosti. Diss. kand. psikhol. nauk. [Age dynamics of the temporal perspective of the person. Ph. D. (Psychology) Thesis]. Moscow, 2008. 317 p.
 14. Tolstykh N.N. Khronotop: kul'tura i ontogenez: monografiya [Chronotope: culture and history tool]. Smolensk–Moscow: Universum, 2010. 312 p.
 15. Freid A. «Ego» i mekhanizmy zashchity [Ego and Mechanisms of Protection]. Moscow: Eksmo, 2013. 252 p. (In Russ.)
 16. Diehl M. et al. Change in coping and defense mechanisms across adulthood: Longitudinal findings in a European American sample. *Developmental psychology*, 2014. Vol. 50, no. 2. doi:10.1037/a0033619
 17. Encyclopedia of Time. edited by Samuel L. Macey. Garland Reference Library of Social Science. Vol. 810. Routledge, 2013. 724 p.
 18. Griva F., Tseferidi S.I., Anagnostopoulos F. Time to get healthy: Associations of time perspective with perceived health status and health behaviors. *Psychology, health & medicine*, 2015. Vol. 20, no. 1, pp. 25-33. doi:10.1080/13548506.2014.913798